

Тем же вечером, пока демон Тьмы скрывался в городе у подножья, Го Бохай уже поумерил свой пыл и попытал удачу вновь заговорить с воспитанником. Он так и возвращался к покоям юного господина в надежде, что У Чан откроет ему и успокоит словами: «Учитель, я правда не злюсь на вас». Но этого так и не произошло. Казалось, У Чан и вправду затаил обиду на учителя и не желал ни при каких условиях с ним общаться. Обдумывая это и все больше поддаваясь своему волнению, Го Бохай не мог найти себе места. Еще с той самой злополучной ночи он до последней мелочи продумал их диалог, в котором желал раскрыть У Чану тайну произошедшего на горе Хэншань. И теперь казалось, что шанса уже не будет. Страх того, что ученик, испугавшись увиденного, больше с ним не заговорит, манипулировал им, медленно убивал и заставлял взрослого человека метаться из угла в угол, точно заплутавшего мотылька. Он так и не решился довести желаемое до конца и, весь день протоптавшись у дверей покоев воспитанника, вернулся в свою комнату.

Утопая в переживаниях, Го Бохай даже не вспоминал о неприятной встрече на мосту. Вечно разодетый в черные шелка демон частенько выводил его из равновесия своим легкомыслием, но эта черта, присущая Сянцзяну, нервировала и раздражала отнюдь не только господина Го. Сянцзян словно умышленно кипятил всех, с кем общался, в огромном котле и не упускал шанса подкинуть в пламя побольше дров своими колкими фразами, которые ранили самые больные места собеседников. Приближенные демона гневались, но все же понимали: говорит он столь неприятные для них слова не оттого, что в его голове пустота, а наоборот — от большого, пронизательного ума. Все замечающий демон Тьмы, как хладнокровная гадюка, затаившись среди бамбуковой чащи, постоянно наблюдает за своим окружением, изучает его, а после использует все слабости других для своей выгоды. И большая часть людей сама раскрывает ему свои карты. Не просто же так демон Тьмы, которому принадлежало все, что находилось во тьме, стал правой рукой правителя темного мира — демона Душ? Владыка царства демонов прекрасно осознавал: рядом с ним должен быть такой, как прыткий и хитрый Сянцзян, чтобы было проще контролировать все вокруг.

«Почему? Почему именно его?!» — Го Бохай бродил по своей спальне, раздумывая о неприятеле, которого ему навязали. Обойдя столик в центре комнаты в пятый раз, он услышал у своих дверей пару легких шагов, и в голове пронеслось: «У Чан?»

Он метнулся к дверям и распахнул их. Его взору открылся хрупкий силуэт: молодая девушка, которая вот-вот намеревалась постучать, держала в своих руках корзину. Испугавшись внезапно открывшихся дверей, она опустила голову.

— Г-господин!

Го Бохай раздосадованно вздохнул, взглянув на корзину.

— Персики?

— Д-да. Может эта служанка внести их к вам в комнату?

— Но откуда? — недоумевая, поинтересовался мужчина.

— Молодой господин У поручил Минь-Минь отнести фрукты.

Го Бохай подошел к корзине, что уже была на столике. Потянувшись за персиком, он обернулся к удаляющейся фигуре:

— Минь-Минь хочет? Их слишком много для меня одного.

Девушка замотала головой:

— Нет-нет! Молодой господин будет недоволен, если узнает, что ваша служанка съела хотя бы один. Он сказал, что все до единого фрукты принадлежат вам, и попросил проследить, чтобы на них никто даже не смотрел, — она поклонилась и, не поднимая головы, закрыла за собой двери, оставив Го Бохай вновь одного.

«Значит, не злишься...»

Он сел на пол, поднес ко рту ароматный персик и, прикрыв глаза, откусил, но проглотить не смог: мешало волнение, что он сдерживал весь день. Постепенно волнение сменилось облегчением, а на душе стало теплеть, как от мягких лучей солнца, но бесконечная тревога не отступала, она будто поднималась откуда-то со дна живота и противилась напускному спокойствию. Чтобы не поддаться этому неприятному мгновению, Го Бохай все же проглотил кусочек фрукта и незамедлительно направился вон из комнаты.

«Надо найти...» — произнес он про себя, уже позабыв свое наказание демону.

Обойдя поместье и не найдя демона, он спустился к конюшне. Несмотря на то что лошади уже спали, Го Бохай все же ворвался внутрь. Он взял одного из скакунов и помчался в город, запрещая себе становиться мягче от злосчастного фрукта, что оставил сладкий привкус на губах.

Приблизившись к освещенным фонарями улицам города, мужчина спешил и оставил лошадь у входа, а сам торопливо вбежал через массивные ворота. Он так быстро несся верхом, что добрался туда не за двадцать минут, как обычно, а за десять, доведя скакуна до дрожи в ногах. Го Бохай прошелся по улицам южного рынка, где часто встречал демона, но не обнаружил ни черного кота, ни ворона.

— Сянцзян... — он обошел все близлежащие павильоны, знаменитые вкусными вином и угощениями.

И прохожим это не особо нравилось. Каждый, кто встречал его на пути, думал, что наставник с горы Хэншань вусмерть пьян, раз ведет разговоры сам с собой. Люди глазели на странное представление, слегка посмеиваясь, и шли дальше.

— Сянцзян!

Это была уже третья улица, по которой он прошел, не оставив ни одного темного переулочка без внимания. Го Бохай при всей своей чистоплотности даже не испугался местной грязи. Заглядывая в просветы между домами и копошась там в пустых ящиках, он снова удрученно возвращался обратно на освещенную дорогу. Сделав еще пару шагов, он остановился и заметил до боли знакомый силуэт.

«Вот же... Вас только не хватало...» — промелькнуло в его голове.

По другую сторону улицы стоял мужчина, который, только встретившись взглядом с господином Го, уверенно зашагал ему навстречу. Энтузиазма наставника поубавилось: подошедший человек поприветствовал его с нескрываемым недовольством, будто был стражником города, а Го Бохай — нарушителем спокойствия.

— Господин Бань.

Вот кого Го Бохай сейчас точно не желал встретить, так это начальника округа Цзыю — уважаемого всеми господина Бань Хэна. Наверняка его сын уже пожаловался, раз, увидев знакомого ему наставника с горы Хэншань, этот господин отбросил все свои дела и решительно подошел, явно рассчитывая на беседу. Мужчина, стоящий перед Го Бохаем, был одет в дорогие синие шелка, а его волосы были собраны в пышный пучок, закрепленный чиновничьим головным убором. Он производил впечатление доброго и благочестивого господина в отличие от своего отпрыска. Однако если старший из семейства Бань являлся на гору Хэншань не для обсуждения каких-либо политических вопросов, то его визит всегда сопровождался неприятными высказываниями в адрес наследника клана У. Госпоже и наставнику частенько приходилось выслушивать его причитания на счет У Чана, хотя, надо заметить его выражения почти всегда были предельно корректны и по делу.

Зачастую горожане Тяньцзинь, стараясь избежать встречи с властной женщиной из правящего клана, бегали плакаться именно к нему, как к самому частому посетителю главенствующего дома Севера, поэтому, когда его голова начинала трещать от их нытья, он поднимался наверх, дабы передать семейству общее возмущение. Но он был не так уж прост. Расчетливый и прагматичный, господин Бань всегда продумывал каждое свое действие. Объявляясь на вершине горы, мужчина докладывал госпоже о недовольстве народа, но делал это так, словно его самого переполняло волнение за юного наследника. Госпожа У осознавала роль сердобольного господина в судьбе ее сына: этот человек мог сильно повлиять на мнение старейшин о будущем небожителе — У Чане. А господин Бань, в свою очередь, не давал себе забыться: оскорби он женщину, нелестно отозвавшись о ее чаде или о ее материнском долге, тут же всё, что он имеет, по одному приказу отберут, и останется от его величия только большое поместье, которое со временем не на что будет содержать.

Из-за этого все их встречи зачастую сводились к одному: юный У Чан должен понести наказание за свои проступки, чтобы не испортить репутацию, а значит, и путь к вознесению. Но не все было так просто. Господин Бань ощущал цепкие руки клана на своей шее и поджидал, когда наконец его зависимость от семейства У пропадет. Это должно было случиться благодаря будущему богу из его семьи — Бань Лоу. Мужчина питал огромные надежды относительно этого и вкладывал в своего сына все, что было возможно, представляя, как Бань Лоу примкнет к Небесам в роли новоиспеченного бога войны, прославив отчий дом. Вот тогда, как он считал, можно будет с легкостью вздохнуть и полностью прибрать к рукам город у подножья горы, которым он заправляет сейчас по указу главы Севера.

— Го Бохай, — обратился господин Бань, — думаю, госпожа У вам уже рассказала, в чем провинился юный господин месяц назад?

— Да, — прозвучал краткий ответ.

Наставник с горы Хэншань уже готовился выслушивать недовольные речи учтивого господина об инциденте, произошедшем днем ранее. Однако русло повернуло в иную сторону.

— Я еще тогда хотел встретиться с вами лично, но так вас и не нашел.

— Зачем же?

— Кхм... — Бань Хэн мягко кашлянул. — Я понимаю, мой сын — не подарок, он и молодой господин У с детства не ладят, и сейчас мой А-Лоу явно чем-то разгневал наследника, раз тот так с ним обошелся... Но А-Лоу не признается.

Даже при большом желании Го Бохай не стал бы озвучивать мысли, роящиеся в его голове, в

лицо господину, так как это, думалось ему, то же самое, что протягивать руку змее. Про себя он спросил: «Любопытно, и как же, со слов Бань Лоу, наследник обошелся с ним?»

— Я, как никто другой, желаю, чтобы мой сын и молодой господин У сдружились или по крайней мере, перестали грызться, как две голодные собаки. Потому я хотел обратиться к вам за советом. Как мне стоит поступить, чтобы ссоры между нашими домами угасли?

Го Бохай не поспел за своей мыслью, как она уже прозвучала в голове: «Сына воспитать». Все же он придержал ее при себе и, не скрывая безразличия, убрал руки в рукава. Начальник округа Бань вдруг принялся заискивать:

— Может, господин Го пройдет со мной, и я попробую убедить его в чистоте своих намерений?

На лице собеседника четко читалось: что бы ни случилось, что бы сейчас наставник ему ни ответил, тот все равно добьется желаемого. Поэтому Го Бохаю оставалось только идти рядом, выслушивая его душещипательную, никому не интересную историю.

— На самом деле Лоу неплохой мальчик, он чуткий и добрый...

«Видимо, только с вами».

— Он постоянно мне рассказывает, как восхищается молодым господином У...

«Вот странность. Мне казалось иначе».

— Мой мальчик вырос без матери. Полагаю, вы должны понять, как это тяжело...

Шаг Го Бохая замедлился.

«Тяжело что? Воспитание ребенка без родителей? — нутро наставника закипело, и он чуть не произнес мысли вслух. — А вы забавный... Мой ученик буквально растет без родителей и каким-то необычайным образом умудряется быть воспитаннее вашего избалованного сына!»

Поначалу Го Бохай думал отделаться от досаждающего господина, несколько раз кивнув тому в ответ, вот только, услышав начало «печальной» истории, втекающей ему в уши, он не растрогался, а даже наоборот — необычайно разозлился.

«Если сравнить жизнь двух этих юношей, — думал он, — то в действительности наследник клана У страдал сильнее: несмотря на то что его окружала роскошь с самого рождения, он был лишен шанса насладиться ею. Притом что семья была полной, сына не тешили любовью, а от действий правителей клана У Чан каждый день мучился. Разве не лучше быть вовсе лишенным семьи, чем жить в окружении безразличных к твоим мечтам и желаниям родителей? Разве не лучше быть сыном простолюдина, нежели правителя Севера, что взвалил на ребенка слишком много надежд? Разве не лучше быть никем, чем наследником огромной территории, и изо дня в день выслушивать, как вот-вот станешь богом, хотя сам этого не желаешь»? И в отличие от господина Бань Хэня, рассказывающего о тяжелой жизни воспитателя, Го Бохай в этом вопросе был куда опытнее, ощутив тяготы воспитания непослушного мальчишки на себе.

Как только наставника приняли в клан, юный наследник неожиданно для всех начал быстро проникаться к нему доверием, по причине чего Го Бохаю становилось с каждым днем труднее смотреть на ребенка исключительно как на своего ученика. Душа мужчины из ночи в ночь плакала и терзалась. Лет до восьми мальчик прибежал к нему, крепко прижимался к подолу его

одеяний и рыдал — то из-за злой женщины, что считалась его матерью, то из-за главы, что гневался на него за очередную проделку. Это разбивало сердце мальчика. Хотел ли он после всего этого идти по предначертанному судьбой пути? Очень маловероятно. Но самое страшное, что когда-либо слышал Го Бохай от плачущего дитя, — обидные слухи, которые ранили обоих.

— Учитель! Они... говорят, что я не сын главы! Почему они так говорят?

И наставник каждый раз прижимал ребенка к себе, пытаясь забрать его боль. Аккуратно, словно что-то хрупкое, держа его у своей груди и обвивая руками, он старался подарить ему ту защиту, что не давали самые близкие, и утверждал:

— Это неправда.

— Правда! Зачем тогда им... такое... говорить?!

— Из зависти.

— Было бы чему завидовать! Матушка-государыня меня не любит! Тогда... это... правда!

— Нет, У Чан, нет.

— Она накричала на меня из-за того, что я ее об этом спросил! Только что!

Как бы Го Бохай ни пытался унять сомнения наследника, переубедить его, открыть ему глаза на льющуюся из чужих уст ложь, ничего не выходило — ребенок будто желал услышать подтверждение слухов, а не их опровержение. Спустя время воспитанник повзрослел и утратил часть детской наивности. Стал спокойнее воспринимать нападки завистливых и рождающих гнусные сплетни, но все же остался при своем, продолжая считать, что он не настоящий наследник клана. Да и как наставник мог разрушить эти укоренившиеся убеждения, если юноша замечал родственные отличия: пепельные волосы, черные, словно ночь, глаза и до странного непохожие ни на одного из семейства черты лица. У Чан схож был с отцом и матерью лишь характером, вспыльчивым и нетерпеливым, но и тот начал меняться под влиянием чуткого наставника. Сомнения ребенка неоднократно подкрепляла его мать. Го Бохай не помнил ни дня, чтобы женщина хоть раз проявила свою материнскую любовь к У Чану, но зато отлично помнил другое... То, как господин Бань общался с собственным сыном — Лоу. Если его семейство заявлялось на гору в полном составе, то отец юноши, когда, как он считал, никто не видит, вымещал на своем так называемом добром и чутком сыне все недовольство, ни капли не жалея его чувств. И выглядело это поистине жалко. Потому Го Бохай не мог верить словам начальника округа, видя в лице этого уважаемого только раздражение к отпрыску, носящему его фамилию. Все слова о заботе и любви, о которых тот так сладко сейчас пел, и стали причиной недовольства Го Бохая.

Делая вид, что увлеченно слушает, Го Бохай решил опуститься до маленькой подлости и поступить с собеседником эгоистично — так же, как господин Бань каждый раз вел себя со своим сыном. И пока тот слезно распинался, Го Бохай направился по уже знакомой тропе, о которой ему поведал Сянцзян.

— Вы же понимаете меня, Го Бохай? — Возможно, как никто другой.

Вскоре оба остановились у небольшого здания, из которого на всю округу разносился шум.

— Ставлю еще!

— Что?

— О-о-ого, играем!

Строение, освещенное снаружи лишь двумя уличными фонарями, было игорным домом и называлось Домом удачи, и его посетители зачастую проводили там все свое свободное время.

— Уважаемый господин Бань, — обратился Го Бохай. — Не кажется ли вам странным, что нынче молодые люди с раннего возраста начинают с пристрастием посещать подобные места?

Собеседник оставил свой рассказ и в недоумении посмотрел на мужчину, а после на вывеску.

— «Дом удачи». Ох, да, не могу не согласиться с вами, ведь подобные места — концентрат несчастий и нищеты Тяньцзиня! Молодым господам не стоит даже ходить по здешним закоулкам, не то что заходить в подобные места. Но все же я не понимаю, к чему вы?

Никак не отреагировав на вопрос и сдерживая пыл, Го Бохай продолжал пристально смотреть на открытые двери, из которых продолжало литься веселье на улицу. В его мыслях пронеслось: «Вот же бесстыдник...», адресованное не стоящему рядом, а тому, кто был внутри.

С улицы через распахнутые окна были видны лишь очертания мужчин, образовавших толпу. Они металась из стороны в сторону, как кучка дворовых петухов вокруг единственной несущки, и все время кем-то восхищались.

— Выиграл! Невероятно!

Зрители создавали хаос, толкаясь и склоняясь над центральным столом у входа, продолжая громко удивляться.

— Невозможно, чтобы так везло!

— Господин, господин, сколько вы уже играете? Расскажите нам!

— Да чтоб я жил всю жизнь в своем сарае, но такого продуманного хода я еще не видывал!

Их внимание привлекла разыгранная партия в любó¹, или, по-местному, игру в палочки. Ранее любó несла куда больший смысл, ее правила были известны только аристократам Поднебесной, а играли в нее отнюдь не из-за азарта. За пару тактических ходов решались судьбы и закрывались политические конфликты домов, но спустя десятки лет игра, дойдя до простого люда, стала обычным развлечением наравне с подкидыванием монеток или игральными костями.

[1] Любó — древняя настольная игра для двух игроков. Каждому игроку предоставлялось шесть фишек для маневрирования по игровой доске и шесть палочек, которые использовали как игральные кости для определения хода.

В толпе зевак вдруг поменялся настрой.

— Ха! Проиграл!

— Нет! Как так, молодой господин? Я же на вас поставил!

— Как так вышло?

Теперь же азарт заключался в ставках. Тот, кто выигрывал, получал одну десятую ставленного на него, принеся прибыль хозяину игорного дома, а тот, кто проигрывал, выслушивал гнев зрителей. Зачастую ставки для кучки голодранцев были невероятными, поэтому они только и могли что глазеть. На те деньги, что сейчас были проиграны, можно было арендовать маленький клочок земли для всякого рода занятий или же привести с Востока высочайшего качества ткани.

Расстроенные выкрики привлекли начальника округа, и он уже не менее заинтересованно, чем зрители, принялся наблюдать за происходящим. Мужичье плевалось от досады, ни капли не стесняясь хозяина заведения. Их недовольство сопровождалось фырканьем и далеко не лестными высказываниями. И вот толпа наконец разошлась, показав играющих. Ближе ко входу сидел пожилой человек, а перед ним, склонив голову на стол, юноша. Мужчина, утешая соперника, похлопал его по плечу, выпрямил свою горбатую спину и удалился, а господин Бань наконец-то смекнул.

— А-Лоу! — в голос возмутился он.

«Он самый», — про себя ответил Го Бохай.

Отец юноши, ничего не сказав, довольно грустно взглянул на наставника, кивнул ему, в знак чего — не совсем ясно, и забежал внутрь. Дальнейшая судьба Бань Лоу Го Бохая мало интересовала, как и его воссоединение с отцом. Достаточно было увидеть побледневшее лицо юного игрока, чтобы осознать, насколько он страшится разгневанного родителя.

Отойдя подальше, Го Бохай замер. Из темного переулка вышла и перегородила ему дорогу маленькая животина, мокрая и с головы до лап грязная. Если бы не длинный, волочащийся за животным хвост, было бы довольно сложно понять, что это или кто.

— Где же ты был?

Кот недовольно посмотрел на Го Бохая, развернулся и прошел вперед.

— Я тебя везде искал! — бросил наставник ему вслед.

Животное остановилось на мгновение, словно подумав о чем-то.

— Да знаю я! — раздался голос со стороны кота. — Смотрю, моей информацией хорошо пользуешься.

— Стой, почему сразу не явился?

Вильнув головой, кот сердито промолвил:

— Посмотри на меня! Демон Тьмы живет на улице, как... как вшивая дворняга! До чего я опустился, волочась за тобой по смертному миру, я даже свой человеческий облик не хочу принимать, чтобы не видеть, как низко пал! — Он недовольно шлепнул мокрым хвостом о дорогу и примостился на земле. — Из-за троицы небесных служителей, встретившихся на моем пути, я был вынужден прятаться по закоулкам, и в этом виноват ты, ведь это ты запретил показываться тебе на глаза!

Услышанное насмешило Го Бохая:

— Разве это проблема? Такого, как ты, это никогда не останавливало. Говори, кто те

небожители?

Сянцзян оскалился, но промолчал. Го Бохай добавил:

— Если ты думаешь, что я стану вымаливать это из тебя, то ты сильно ошибаешься!

— Хватает же наглости так со мной общаться! — тихо прошипел демон в ногах Го Бохая. — Лучше бы я защищал порог домов развлечений, чем тебя! Веселые девицы и те были бы поуважительнее ко мне!

— Довольно! Этот разговор уже поднадоел. Лично я об этом никого не просил, ты волен вернуться к своему хозяину, все равно от тебя никакого толку!

— Неблагодарный... Сам разбирайся со своим проблемным мальчишкой! — кот снова недовольно шлепнул хвостом. — Ты думаешь, оно мне надо? Из раза в раз разбираться с вашими проблемами, следить за твоим учеником или таскаться за этим Бань Лоу, чтобы выведать все о нем! Как и ты, я свою судьбу не выбирал.

За двести лет, проведенных вместе, одни родные души в минутной разлуке наполняются неумолимой тоской, другие же — не схожие ни в характере, ни во взглядах, — счастливы возможности не встретиться снова. Го Бохай и Сянцзян как раз желали более не видеться. Но положение дел вынуждало их терпеть друг друга. По указанию самого владыки царства демонов Сянцзян из тени приглядывает за Го Бохаем, но своим присутствием мало чем тому помогает, скорее даже портит. Демон Тьмы не умеет вовремя замолкать, не умеет и останавливаться, когда просят. Но все же образ потрепанного кота в Го Бохае вызвал сочувствие. Он вздохнул, словно выпуская остатки недовольства, и, склонившись над котом, произнес:

— Давай забудем все сказанное друг другу, как и ранее...

Кот опустил голову, продолжая подметать хвостом улицу, словно его волновало еще что-то.

— Го Бай...

— Не обращай ко мне так! Ты же знаешь это! — настроение Го Бохая резко переменялось, как небо в плохую погоду.

Сянцзян поднял свои кошачьи глаза.

— Они снова объявились.

Теперь Го Бохай решил промолчать, создав неприятную для обоих паузу в диалоге. Он моментально понял, о ком Сянцзян говорит, и задавать сейчас уточняющие вопросы было бы довольно глупо с его стороны.

Демон Тьмы, заметив растерянный взгляд собеседника, продолжил:

— Из-за твоей силы, из-за твоей выходки они обнаружили нас! И ты знаешь, насколько некоторые боги упертые, но все равно не сменишь поместье семейства У на любое другое место, дабы защитить нас, правда?

— Но как же... — Го Бохая бросило в холод.

— Мальчишка? Если ты и правда хочешь помочь ему, не прибегай больше к своей силе:

каждый раз небесные служители находят нас только по твоей вине. Не вмешивайся, дай мне все решить.

И Сянцзян был как никогда прав. Со всей своей демонической хитростью он ловко заметал следы их пребывания в Поднебесной. Даже когда несколько богов, идущих по их пятам, подбирались все ближе и ближе, он ловко оборачивал ситуацию в свою пользу и прокладывал путь к отступлению. Вот только тот, кто был всегда рядом с ним, постоянно обесценивал его труды, подвергая и себя, и его опасности. Сянцзяну приходилось чуть ли не с боем спасать Го Бохая, а после ровнять с землей место, где их обнаружили.

Небеса решили во что бы то ни стало поймать демона Непогод — Го Бохая, — поставить его на колени перед Верховным советом, чтобы провести долгожданный суд, — наверное, самое ожидаемое событие для небесного чертога. Вот только они просчитались: владыка темного мира, демон Душ, под чьим покровительством находился Го Бохай, предвидел подобное и потому приставил к нему лучшего из своих подчиненных. Для демона Тьмы тот день стал огромным потрясением и разочарованием, ведь Сянцзян являлся страшнейшим врагом бессмертных, вторым после покрытого мраком и тайной владыки всех нечестивцев. В разное время Сянцзян был правой рукой многих правителей мира демонов. Кого бы не оскорбило при таком положении таскаться изо дня в день за упертым Го Баем, который даже не хотел раскрыть тайну, — что демон Душ в нем такого нашел?

По этой, а может, и по другой причине их знакомство прошло не совсем гладко. Они, как две бешеные кошки, грызлись изо дня в день. В сравнении с их враждой неприязнь двух юношей из семейств У и Бань покажется лишь баловством. Тогда Го Бохай был слишком упрямым и своенравным, а Сянцзян — грубым и невежественным. Однако все же со временем они смогли найти общий язык и научились терпеть друг друга.

Сянцзян некоторое время смотрел на Го Бохая, и в голове звучало предупреждение того бога войны с городского рынка. Спустя какое-то время он поинтересовался:

— Зачем ты меня искал? Я же ушел с горы Хэншань, как ты и велел.

— Нужно, чтобы ты присмотрел за молодым господином, пока тот проводит дни в своих покоях.

Услышав это, демон чуть не заревел по-кошачьи:

— Опять?! Да сколько можно... Ты, видимо, лишился рассудка. Он уже совсем взрослый, чтобы за ним приглядывать! Одумайся! Ты ведешь себя с ним, как несущка!

Го Бохай уже желал возразить, но успел только произнести: «Да, но...» — как яркая вспышка захватила все его внимание. Небеса разверзлись, с грохотом содрогая все земное. Облака расступились, и огромный столб белого света ударил в Поднебесную. Ночь тотчас сменилась днем: стало настолько ясно, что даже тени, падающие от выбежавших на улицы людей, стерлись. Свет ослеплял, и, если бы не познания смертных об этом знамении, можно было бы посчитать, что наступил конец, за которым — лишь кромешная тьма.

Го Бохай не раздумывая обернулся к коту, прикрыл лицо рукавом, дабы не ослепнуть.

— Сянцзян! Сопровождать молодого господина У на церемонии Посвящения будешь ты!